Март-апрель

Вадим Кожевников

SHOUT
SHARE
IT

- Кожевников Вадим

Кожевников Вадим
Март-апрель

Вадим Кожевников

Март-апрель

Изодранный комбинезон, прогоревший во время ночевок у костра, свободно болтался на капитане Петре Федоровиче Жаворонкове. Рыжая патлатая борода и черные от въевшейся грязи морщины делали лицо капитана старческим.

В марте он со специальным заданием прыгнул с парашютом в тыл врага, и теперь, когда снег стаял и всюду копошились ручьи, пробираться обратно по лесу в набухших водой валенках было очень тяжело.

Первое время он шел только ночью, днем отлеживался в ямах. Но теперь, боясь обессилеть от голода, он шел и днем.

Капитан выполнил задание. Оставалось только разыскать радиста-метеоролога, сброшенного сюда два месяца назад.

Последние четыре дня он почти ничего не ел. Шагая в мокром лесу, голодными глазами косился на белые стволы берез, кору которых - он знал можно истолочь, сварить в банке и потом есть, как горькую кашу, пахнущую деревом и деревянную на вкус...

Размышляя в трудные минуты, капитан обращался к себе, словно к спутнику, достойному и мужественному.

"Принимая во внимание чрезвычайное обстоятельство, - думал капитан, вы можете выбраться на шоссе. Кстати, тогда удастся переменить обувь. Но, вообще говоря, налеты на одиночные немецкие транспорты указывают на ваше тяжелое положение. И, как говорится, вопль брюха заглушает в вас голос рассудка". Привыкнув к длительному одиночеству, капитан мог рассуждать с самим собой до тех пор, пока не уставал или, как он признавался себе, не начинал говорить глупостей.

Капитану казалось, что тот, второй, с кем он беседовал, очень неплохой парень, все понимает, добрый, душевный. Лишь изредка капитан грубо прерывал его. Этот окрик возникал при малейшем шорохе или при виде лыжни, оттаявшей и черствой.

Но мнение капитана о своем двойнике, душевном и все понимающем парне, несколько расходилось с мнением товарищей. Капитан в отряде считался человеком мало симпатичным. Неразговорчивый, сдержанный, он не располагал и других к дружеской откровенности. Для новичков, впервые отправляющихся в рейд, он не находил ласковых, ободряющих

слов.

Возвращаясь после задания, капитан старался избегать восторженных встреч. Уклоняясь от объятий, он бормотал:

- Побриться бы надо, а то щеки как у ежа, - и поспешно проходил к себе.

О работе в тылу у немцев он не любил рассказывать и ограничивался рапортом начальнику. Отдыхая после задания, валялся на койке, к обеду выходил заспанный, угрюмый.

- Неинтересный человек, - говорили о нем, - скучный.

Одно время распространился слух, оправдывающий его поведение. Будто в первые дни войны его семья была уничтожена фашистами. Узнав об этих разговорах, капитан вышел к обеду с письмом в руках. Хлебая суп и держа перед глазами письмо, он сообщил:

- Жена пишет.

Все переглянулись. Многие думали: капитан потому такой нелюдимый, что его постигло несчастье. А несчастья никакого не было.

А потом капитан не любил скрипки. Звук смычка действовал на него раздражающе.

...Голый и мокрый лес. Топкая почва, ямы, заполненные грязной водой, дряблый, болотистый снег. Тоскливо брести по этим одичавшим местам одинокому, усталому, измученному человеку.

Но капитан умышленно выбирал эти дикие места, где встреча с немцами менее вероятна. И чем более заброшенной и забытой выглядела земля, тем поступь капитана была увереннее.

Вот только голод начинал мучить. Капитан временами плохо видел. Он останавливался, тер глаза и, когда это не помогало, бил себя кулаком в шерстяной рукавице по скулам, чтобы восстановить кровообращение.

Спускаясь в балку, капитан наклонился к крохотному водопаду, стекавшему с ледяной бахромы откоса, и стал пить воду, ощущая тошнотный, пресный вкус талого снега. Но он продолжал пить, хотя ему и не хотелось, - пить только для того, чтобы заполнить пустоту в тоскующем желудке.

Вечерело. Тощие тени ложились на мокрый снег. Стало холодно. Лужи застывали, и лед громко хрустел под ногами. Мокрые ветки обмерзли; когда он отводил их рукой, они звенели. И как ни пытался капитан идти бесшумно, каждый шаг сопровождался хрустом и звоном.

Взошла луна. Лес засверкал.

Где-то в этом квадрате должен был находиться радист. Но разве найдешь его сразу, если этот квадрат равен четырем

километрам? Вероятно, радист выкопал себе логовище не менее тайное, чем нора у зверя.

Не будет же он ходить и кричать в лесу: "Эй, товарищ! Где ты там?!"

Капитан шел в чаще, озаренной ярким светом; валенки его от ночного холода стали тяжелыми и твердыми, как каменные тумбы.

Он злился на радиста, которого так трудно разыскать, но еще больше разозлился бы, если бы радиста удалось обнаружить сразу.

Споткнувшись о валежник, погребенный под заскорузлым снегом, капитан упал. И когда с трудом подымался, упираясь руками в снег, за спиной его раздался металлический щелчок пистолета.

- Хальт! - сказали ему тихо. - Хальт!

Но капитан странно вел себя. Не оборачиваясь, он растирал ушибленное колено. Когда, все так же шепотом, ему приказали на немецком языке поднять вверх руки, капитан обернулся и сказал насмешливо:

- Если человек лежит, при чем тут "хальт"? Нужно было сразу кидаться на меня и бить из пистолета, завернув его в шапку, - тогда выстрел будет глухой, тихий. А кроме того, немец кричит "хальт" громко, чтобы услышал сосед и в случае чего пришел на помощь. Учат вас, учат, а толку... - И капитан поднялся.

Пароль произнес он одними губами. Когда получил отзыв, кивнул головой и, взяв на предохранитель, сунул в карман синий "зауэр".

- А пистолетик все-таки в руке держали!

Капитан сердито посмотрел на радиста.

- Ты что ж, думал, только на твою мудрость буду рассчитывать? - И нетерпеливо потребовал: - Давай показывай, где тут твое помещение!

- Вы за мной, - сказал радист, стоя на коленях в неестественной позе, а я поползу.

- Зачем ползти? В лесу спокойно.

- Нога у меня обморожена, - тихо объяснил радист, - болит очень.

Капитан недовольно поморщился и пошел вслед за ползущим на четвереньках человеком. Потом он насмешливо спросил:

- Ты что ж, босиком бегал?

- Болтанка сильная была, когда прыгали. У меня валенок и слетел... еще в воздухе.

- Хорош! Как это ты еще штаны не потерял. - И добавил: - Выбирайся теперь с тобой отсюда.

Радист сел, опираясь руками о снег, и с обидой в голосе сказал:

- Я, товарищ капитан, и не собираюсь отсюда уходить. Оставьте провиант и можете отправляться дальше. Когда нога заживет, я и сама доберусь.

- Как же, будут тебе тут санатории устраивать. Засекли фашисты рацию, понятно? - И вдруг, наклонившись, капитан тревожно спросил: - Постой, фамилия как твоя? Лицо что-то знакомое.

- Михайлова.

- Лихо, - пробормотал капитан не то смущенно, не то обиженно. - Ну ладно, ничего, как-нибудь разберемся. - Потом вежливо осведомился: - Может, вам помочь?

Девушка ничего не ответила. Она ползла, проваливаясь по самые плечи в снег.

Раздражение сменилось у капитана другим чувством, менее определенным, но более беспокойным. Он помнил эту Михайлову у себя на базе, среди курсантов. Она с самого начала вызывала у него чувство неприязни, даже больше - негодования. Он никак не мог понять, зачем она на базе, - высокая, красивая, даже очень красивая, с гордо поднятой головой и ярким, большим и точно очерченным ртом, от которого трудно отвести глаза, когда она говорит.

У нее была неприятная манера смотреть прямо в глаза. Неприятная не потому, что видеть такие глаза противно, - напротив, большие, внимательные и спокойные, с золотистыми искорками вокруг больших зрачков, они были очень хороши. Но плохо то, что пристального взгляда их капитан не выдерживал. И девушка это замечала.

А потом эта манера носить волосы, пышные, блестящие и тоже золотистые, выпустив их за воротник шинели!

Сколько раз говорил капитан:

- Подберите ваши волосы. Военная форма - это не маскарадный костюм.

Правда, занималась Михайлова старательно. Оставаясь после занятий, она часто обращалась к капитану с вопросами, довольно толковыми. Но капитан, убежденный в том, что знания ей не пригодятся, отвечал кратко, резко, все время поглядывая на часы.

Начальник курсов сделал замечание капитану за то, что он так мало внимания уделяет Михайловой.

- Ведь она же хорошая девушка.

- Хорошая для семейной жизни. - И неожиданно горячо и страстно капитан заявил: - Поймите, товарищ полковник, нашему брату никаких лишних крючков иметь нельзя. Обстановка может

приказать собственноручно ликвидироваться. А она? Разве она сможет? Ведь пожалеет себя. Разве можно себя, такую... Капитан сбился.

Чтобы отделаться от Михайловой, он перевел ее в группу радисток.

Курсы десантников располагались в одном из подмосковных домов отдыха. Крылатые остекленные веранды, красные дорожки внутри, яркая лакированная мебель - вся эта обстановка, не потерявшая еще всей прелести мирной жизни, располагала по вечерам к развлечениям. Кто-нибудь садился за рояль, и начинались танцы. И если бы не военная форма, то можно было подумать, что это обычный канун выходного дня в солидном подмосковном доме отдыха.

Стучали зенитки, и белое пламя прожекторов копалось в небе своими негнущимися щупальцами, - но об этом можно было не думать.

После занятий Михайлова часто сидела на диване в гостиной с поджатыми ногами и с книгой в руках. Она читала при свете лампы с огромным абажуром, укрепленной на толстой и высокой подставке из красного дерева. Вид этой девушки с красивым, спокойным лицом, ее безмятежная поза, волосы, лежащие на спине, и пальцы ее, тонкие и белые, - все это не вязалось с техникой подрывного дела или нанесением по тырсе ударов ножом с ручкой, обтянутой резиной.

Когда Михайлова замечала капитана, она вскакивала и вытягивалась, как это и полагается при появлении командира.

Жаворонков, небрежно кивнув, проходил мимо. Этот сильный человек с красным сухим лицом спортсмена, правда, немного усталым и грустным, был жестким и требовательным не только к подчиненным, но и к самому себе...

Капитан предпочитал действовать в одиночку. Он имел на это право. Холодной болью застыла в сердце капитана смерть его жены и ребенка: 22 июня вражеские танки раздавили их в пограничном поселке.

Капитан молчал о своем горе. Он не хотел, чтобы его несчастье служило причиной его бесстрашия. Поэтому он обманывал своих товарищей. Он сказал себе: "Жену мою, ребенка не убили, они живы. Я не мелкий человек. Я такой же, как все. Я должен драться спокойно". И он не был мелким человеком. Всю свою жизненную силу он сосредоточил на борьбе с врагом. Таких людей, с обагренным сердцем, гордых, скорбящих и сильных, немало на войне.

Добрый, веселый, хороший мой народ! Какой же бедой ожесточили враги твое сердце!

И вот сейчас, шагая за ползущей радисткой, капитан старался не размышлять ни о чем, что могло бы помешать ему обдумать свое поведение. Он голоден, слаб, измучен длинным переходом. Конечно, она рассчитывает на его помощь. Но ведь она не знает, что он никуда не годится.

Сказать все? Ну нет. Лучше заставить ее как-нибудь подтянуться, а там он соберется с силами и, может быть, как-нибудь удастся...

В отвесном скате балки весенние воды промыли нечто вроде ниши. Жесткие корни деревьев свисали над головой, то тощие, как шпагат, то перекрученные и жилистые, похожие на пучки ржавых тросов. Ледяной навес закрывал нишу снаружи. Днем свет проникал сюда, как в стеклянную оранжерею. Здесь было чисто, сухо, лежала подстилка из еловых ветвей. Квадратный ящик рации, спальный мешок, лыжи, прислоненные к стене.

- Уютная пещерка, - заметил капитан. И, похлопав рукой по подстилке, сказал: - Садитесь и разувайтесь.

- Что? - гневно и удивленно спросила девушка.

- Разувайтесь. Я должен знать, куда вы годитесь с такой ногой.

- Вы не доктор. И потом...

- Знаете, - сказал капитан, - договоримся с самого начала - меньше разговаривайте.

- Ой, больно!

- Не кричите, - сказал капитан, ощупывая ступню ее, вспухшую, обтянутую глянцевитой синей кожей.

- Да я же не могу больше терпеть.

- Ладно, потерпите, - сказал капитан, стягивая с себя шерстяной шарф.

- Мне не нужно вашего шарфа.

- Грязный носок лучше?

- Он чистый.

- Знаете, - снова повторил капитан, - не морочьте вы мне голову. Веревка у вас есть?

- Нет.

Капитан поднял руку, оторвал кусок тонкого корня, перевязал им ногу, обмотанную шарфом, и объявил:

- Хорошо держится!

Потом он вытащил лыжи наружу и что-то мастерил, орудуя ножом. Вернулся, взял рацию и сказал:

- Можно ехать.

- Вы хотите тащить меня на лыжах?

- Я этого, положим, не хочу, но приходится.

- Ну что же, у меня другого выхода нет.

- Вот это правильно, - согласился капитан. - Кстати, у вас пожевать что-нибудь найдется?

- Вот, - сказала она и вытащила из кармана поломанный сухарь.

- Маловато.

- Это все, что у меня осталось. Я уже несколько дней...

- Понятно, - сказал капитан. - Другие съедают сначала сухари, а шоколад оставляют на черный день.

- Можете оставить ваш шоколад себе.

- А я угощать и не собираюсь. - Капитан вышел, сгибаясь под тяжестью рации.

После часа ходьбы капитан понял, что дела его плохи. И хотя девушка, лежа на лыжах (вернее - на санях, сделанных из лыж), помогала ему, отталкиваясь руками, силы его покинули. Ноги дрожали, а сердце колотилось так, что было трудно дышать.

"Если я ей скажу, что никуда не гожусь, она растеряется. Если дальше буду храбриться, дело кончится совсем скверно".

Капитан посмотрел на часы и сказал:

- Не худо бы выпить горячего.

Выкопав в снегу яму, он прорыл палкой дымоход и забросал его отверстие зелеными ветвями и снегом. Ветви и снег должны были фильтровать дым, тогда он будет невидимым. Наломав сухих веток, капитан положил их в яму, потом вынул из кармана шелковый мешочек с пушечным полузарядом и, насыпав горсть пороха крупной резки на ветви, поднес спичку.

Пламя зашипело, облизав ветви. Поставив на костер жестяную банку, капитан кидал в нее сосульки и куски льда. Потом он вынул сухарь, завернул его в платок и, положив на пень, стал бить по сухарю черенком ножа. Крошки он высыпал в кипящую воду и стал размешивать. Сняв банку с огня, он поставил ее в снег, чтобы остудить.

- Вкусно? - спросила девушка.

- Почти как кофе "Здоровье". - Капитан протянул ей банку с коричневой жижей.

- Я потерплю, не надо, - сказала девушка.

- Вы у меня еще натерпитесь, - сказал капитан. - А пока пейте.

К вечеру ему удалось убить старого грача.

- Вы будете есть ворону? - спросила девушка.

- Это не ворона, а грач, - сказал капитан.

Он зажарил птицу на костре.

- Хотите? - предложил он половину птицы девушке.

- Ни за что, - с отвращением сказала она.

Капитан поколебался, потом задумчиво произнес:

- Пожалуй, это будет справедливо: - И съел всю птицу.

Закурив, он повеселел и спросил:

- Ну, как нога?

- Мне кажется, я смогла бы пройти немного, - сказала девушка.

- Это вы бросьте.

Всю ночь капитан тащил за собой лыжи, и девушка, кажется, дремала.

На рассвете капитан остановился в овраге.

Огромная сосна, вывернутая бурей, лежала на земле. Под мощными корнями оказалась впадина. Капитан выгреб из ямы снег, наломал ветвей и постелил на них плащ-палатку.

- Вы хотите спать? - спросила, проснувшись, девушка.

- Часок, не больше, - сказал капитан. - А то я совсем забыл, как это делается.

Девушка начала выбираться из своего спального мешка.

- Это еще что за номер? - спросил капитан приподымаясь.

Девушка подошла и сказала:

- Я лягу с вами, так будет теплее. А накроемся мешком.

- Ну знаете... - сказал капитан.

- Подвиньтесь, - сказала девушка. - Не хотите же вы, чтобы я лежала на снегу... Вам неудобно?

- Подберите ваши волосы, а то они в нос лезут, чихать хочется и вообще...

- Вы хотите спать - ну и спите. А волосы мои вам не мешают.

- Мешают, - вяло сказал капитан и заснул.

Шорох тающего снега, стук капель. По снегу, как дым, бродили тени облаков.

Капитан спал, прижав кулак к губам, и лицо у него было усталое, измученное. Девушка наклонилась и осторожно просунула свою руку под его голову.

С ветви дерева, склоненного над ямой, падали на лицо спящего тяжелые капли воды. Девушка освободила руку и подставила ладонь, защищая лицо спящего. Когда в ладони скапливалась вода, она осторожно выплескивала ее.

Капитан проснулся, сел и стал тереть лицо ладонями.

- У вас седина здесь, - сказала девушка. - Это после того случая?

- Какого? - спросил капитан потягиваясь.

- Ну, когда вас расстреливали.

- Не помню, - сказал капитан и зевнул. Ему не хотелось вспоминать про этот случай.

Дело было так. В августе капитан подорвал крупный немецкий склад боеприпасов. Его контузило взрывной волной, неузнаваемо сожгло пламенем. Он лежал в тлеющей, черной

одежде, когда немецкие санитары подобрали его, приняв за немца, и вместе с пострадавшими немецкими солдатами отнесли в госпиталь. Он пролежал три недели, притворяясь глухонемым. Потом врачи установили, что он не потерял слуха. Гестаповцы расстреляли Жаворонкова вместе с тремя немецкими солдатами-симулянтами. Ночью, тяжело раненный, капитан выбрался изо рва и полз двадцать километров до места явки.

Чтобы прекратить разговор, он спросил:

- Нога все болит?

- Я же сказала, что могу идти сама, - раздраженно ответила девушка.

- Ладно, садитесь. Когда понадобится, вы у меня еще побегаете.

Капитан впрягся в сани и снова заковылял по талому снегу.

Шел дождь со снегом. Ноги разъезжались. Капитан часто проваливался в выбоины, наполненные мокрой снежной кашей. Было тускло и серо. И капитан с тоской думал о том, удастся ли им переправиться через реку, на которой, вероятно, вода уже выступила поверх льда.

На дороге лежала убитая лошадь.

Капитан присел возле нее на корточки, вытащил нож.

- Знаете, - сказала девушка, приподымаясь, - вы все так ловко делаете, что мне даже смотреть не противно.

- Просто вы есть хотите, - спокойно ответил капитан.

Он поджаривал тонкие ломтики мяса, насадив их на стержень антенны, как на вертел.

- Вкусно, - удивилась девушка.

- Еще бы, - улыбнулся капитан. - Жареная конина вкуснее говядины.

Потом он поднялся и сказал:

- Я пойду посмотрю, что там, а вы оставайтесь.

- Хорошо, - согласилась девушка. - Может, это вам покажется смешным, но одной мне оставаться теперь очень трудно. Я уже как-то привыкла быть вместе.

- Ну-ну! Без глупостей, - пробормотал капитан.

Но это больше относилось к нему самому, потому что он смутился.

Вернулся он ночью.

Девушка сидела на санях, держа пистолет в руке. Увидев капитана, она улыбнулась и встала.

- Садитесь, садитесь, - попросил капитан тоном, каким говорил всем курсантам, вставшим при его появлении.

Он закурил и сказал, недоверчиво глядя на девушку:

- Штука-то какая. Фашисты недалеко отсюда аэродром

оборудовали.

- Ну и что? - спросила девушка.

- Ничего, - ответил капитан. - Ловко очень устроили. - Потом серьезно спросил: - У вас передатчик работает?

- Вы хотите связаться? - обрадовалась девушка.

- И даже очень, - сказал капитан.

Михайлова сняла шапку, надела наушники. Через несколько минут она спросила, что передавать. Капитан присел рядом с ней. Стукнув кулаком по ладони, он сказал:

- Одним словом, так: карта раскисла от воды. Квадрат расположения аэродрома определить не могу. Даю координаты по компасу. Ввиду низкой облачности линейные ориентиры будут скрыты. Поэтому пеленгом будет служить наша рация на волне... Какая там у вас волна, сообщите.

Девушка сняла наушники и с сияющим лицом повернулась к капитану.

Но капитан, сворачивая новую цигарку, даже не поднял глаз.

- Теперь вот что, - сказал он глухо. - Рацию я забираю и иду туда, - он махнул рукой и пояснил: - Чтобы быть ближе к цели. А вам придется добираться своими средствами. Как стемнеет окончательно, спуститесь к реке. Лед тонкий, захватите жердь. Если провалитесь, она поможет. Потом доползете до Малиновки, километра три, там вас встретят.

- Очень хорошо, - сказала Михайлова. - Только рацию вы не получите.

- Ну, ну, - сказал капитан, - это вы бросьте.

- Я отвечаю за рацию и при ней остаюсь.

- В виде бесплатного приложения, - буркнул капитан. И, разозлившись, громко произнес: - А я вам приказываю.

- Знаете, капитан, любой ваш приказ будет выполнен. Но рацию отобрать у меня вы не имеете права.

- Да поймите же вы!.. - вспылил капитан.

- Я понимаю, - спокойно сказала Михайлова. - Это задание касается только меня одной. - И, гневно глядя в глаза капитану, она сказала: - Вот вы горячитесь и беретесь не за свое дела.

Капитан резко повернулся к Михайловой. Он хотел сказать что-то очень обидное, но превозмог себя и с усилием произнес:

- Ладна, валяйте, действуйте. - И очевидно, чтобы как-нибудь отомстить за обиду, сказал: - Сама додуматься не могла, так теперь вот...

Михайлова насмешливо сказала:

- Я вам очень благодарна, капитан, за идею.

Капитан отогнул рукав, взглянул на часы.

- Чего же вы сидите? Время не ждет.

Михайлова взялась за лямки, сделала несколько шагов, потом обернулась:

- До свидания, капитан!

- Идите, идите, - буркнул тот и пошел к реке...

Туманная мгла застилала землю, в воздухе пахло сыростью, и всюду слышались шорохи воды, не застывшей и ночью. Умирать в такую погоду особенно неприятно. Впрочем, нет на свете погоды, при которой это было бы приятно.

Если бы Михайлова прочла три месяца назад рассказ, в котором герои переживали подобные приключения, в ее красивых глазах наверняка появилось бы мечтательное выражение. Свернувшись калачиком под байковым одеялом, она представляла бы себя на месте героини; только в конце, в отместку за все, она непременно спасла бы этого надменного героя. А потом он влюбился бы в нее, а она не обращала бы на него внимания.

В тот вечер, когда она сказала отцу о своем решении, она не знала о том, что эта работа требует нечеловеческого напряжения сил, что нужно уметь спать в грязи, голодать, мерзнуть, уметь тосковать в одиночестве. И если бы ей кто-нибудь обстоятельно и подробно рассказал о том, как это трудно, она спросила бы просто:

- Но ведь другие могут?

- А если вас убьют?

- Не всех же убивают.

- А если вас будут мучить?

Она задумалась бы и тихо сказала:

- Я не знаю, как я себя буду держать. Но ведь я все равно ничего не скажу. Вы это знаете.

И когда отец узнал, он опустил голову и проговорил хриплым, незнакомым ей голосом:

- Нам теперь с матерью будет очень тяжело, очень.

- Папа, - звонко сказала она, - папа, ну ты пойми, я же не могу оставаться!

Отец поднял лицо, и она испугалась. Таким оно было измученным и старым.

- Я понимаю, - сказал отец. - Ну, что ж, было бы хуже, если бы у меня была не такая дочь.

- Папа, - крикнула тогда она, - папа, ты такой хороший, что я сейчас заплачу!

Матери они утром сказали, что она поступает на курсы военных телефонисток.

Мать побледнела, но сдержалась и только попросила:

- Будь осторожнее, деточка.

На курсах Михайлова училась старательно и во время проверки знаний волновалась, как в школе на зачетах, и была очень счастлива, когда в приказе отметили не только число знаков передачи, но и ее грамотность.

Оставшись одна в лесу в эти дикие, холодные и черные дни, она первое время плакала и съела весь шоколад. Но передачи вела регулярно, и хотя ей ужасно хотелось иногда, прибавить что-нибудь от себя, чтобы не было так сиротливо, она не делала этого, экономя электроэнергию.

И вот сейчас, пробираясь к аэродрому, она удивилась, как все это просто. Вот она ползет по мокрому снегу, мокрая с отмороженной ногой. А когда раньше у нее бывал грипп, отец сидел у постели и читал вслух, чтобы она не утомляла своих глаз. А мать с озабоченным лицом согревала в ладонях термометр, так как дочь не любила класть его под мышку холодным. И когда звонили по телефону, мать шепотом расстроенно говорила: "Она больна". А отец заталкивал в телефон бумажку, чтобы звонок не тревожил дочь. А вот, если враги успеют быстро засечь рацию, Михайлову убьют.

Убьют ее, такую хорошую, красивую, добрую и, может быть, талантливую. И будет лежать она в мокром, противном снегу. На ней меховой комбинезон. Они, наверное, сдерут его. И она ужасалась, представляя себя голой, в грязи. На нее, голую, будут смотреть отвратительными глазами фашисты.

А этот лес так похож на рощу в Краскове, где она жила на даче. Там были такие же деревья. И когда жила в пионерском лагере, там были такие же деревья. И гамак был подвязан вот к таким же двум соснам-близнецам.

И когда Димка вырезал ее имя на коре березы, такой же, как вот эта, она рассердилась на него, зачем он покалечил дерево, и не разговаривала с ним. А он ходил за ней и смотрел на нее печальными и поэтому красивыми глазами. А потом, когда они помирились, он сказал, что хочет поцеловать ее. Она закрыла глаза и жалобно сказала: "Только не в губы". А он так волновался, что поцеловал ее в подбородок.

Она очень любила красивые платья. И когда однажды ее послали делать доклад, она надела самое нарядное платье. Ребята спросили:

- Ты чего так расфрантилась?

- Подумаешь, - сказала она, - почему мне не быть красивой докладчицей?

И вот она ползет по земле, грязная, мокрая, озираясь, прислушиваясь, и волочит обмороженную, вспухшую ногу.

"Ну убьют. Ну и что ж! Ведь убили же Димку и других,

хороших, убили. Ну и меня убьют. Я хуже их, что ли?"

Шел снег, хлюпали лужи. Гнилой снег лежал в оврагах. А она все ползла и ползла. Отдыхая, она лежала на мокрой земле, положив голову на согнутую руку.

Влажный туман стал черным, потому что ночь была черная. И где-то в небе плыли огромные корабли. Штурман командирского корабля, откинувшись в кресле, полузакрыв глаза, вслушивался в шорохи и свист в мегафонах, но сигналов рации не было.

Пилоты на своих сиденьях и стрелок-радист тоже вслушивались в свист и визг мегафонов, но сигналов не было. Пропеллеры буравили черное небо. Корабли плыли все вперед и вперед во мраке ночного неба, а сигналов не было.

И вдруг тихо, осторожно прозвучали первые позывные. Огромные корабли, держась за эту тонкую паутинку звука, разворачивались; ревущие и тяжелые, они помчались в тучах. Родной, как песня сверчка, как звон сухого колоса на степном ветру, как шорох осеннего листа, этот звук стал поводырем огромным стальным кораблям.

Командир соединения кораблей, пилоты, стрелки-радисты, бортмеханики - и Михайлова тоже - знали: бомбы будут сброшены туда, на этот родной, призывный клич рации. Потому что здесь - самолеты врага.

Михайлова стояла на коленях в яме, в черной тинистой воде, и, наклонившись к рации, стучала ключом. Тяжелое небо висело над головой. Но оно было пустым и безмолвным. В мягкой тине обмороженная нога онемела, боль в висках стискивала голову горячим обручем. Михайлову знобило. Она подносила руку к губам - губы были горячие и сухие. "Простудилась, - тоскливо подумала она. - Впрочем, теперь это неважно".

Иногда ей казалось, что она теряет сознание. Она открывала глаза и испуганно вслушивалась. В наушниках звонко и четко пели сигналы. Значит, рука ее помимо воли нажимала рычаг ключа. "Какая дисциплинированная! Вот и хорошо, что я пошла, а не капитан. Разве у него будет рука сама работать? А если бы я не пошла, то была бы сейчас в Малиновке, и, может быть, мне дали бы полушубок... Там горит печь... и все тогда было бы иначе. А теперь уже больше никого и ничего не будет... Странно, вот я лежу и думаю. А ведь где-то Москва. Там люди, много людей. И никто не знает, что я здесь. Все-таки я молодец. Может быть, я храбрая? Пожалуй, мне не страшно. Нет, это оттого, что мне больно, потому и не так страшно... Скорее бы только! Ну что они, в самом деле! Неужели не понимают, что я больше не могу?"

Всхлипнув, она легла на откос котлована и, повернувшись на бок, продолжала стучать. Теперь ей стало видно огромное,

тяжелое небо. Вот его лизнули прожекторы, послышалось далекое тяжелое дыхание кораблей. И Михайлова, глотая слезы, прошептала:

- Милые, хорошие! Наконец-то вы за мной прилетели. Мне так плохо здесь. - И вдруг испугалась: "Что, если вместо позывных я передала вот эти свои слова? Что же они тогда про меня подумают?"

Она села и стала стучать раздельно, четко, повторяя вслух шифр, чтобы, снова не сбиться.

Гудение кораблей все приближалось. Застучали зенитки.

- Ага, не нравится?

Она поднялась. Ни боли, ничего. Изо всех сил она стучала по ключу, словно не сигналы, а крик: "Бейте, бейте!" - высекала из ключа.

Рассекая черный воздух, ахнула первая бомба. Михайлова упала на спину от удара воздуха. Оранжевые пятна отраженного пламени заплескались в лужах. Земля сотрясалась от глухих ударов. Рация свалилась в воду. Михайлова пыталась поднять ее. Визжащие бомбы, казалось, летели прямо к ней в яму.

Она вобрала голову в плечи и присела, зажмурив глаза. Свет от пламени проникал сквозь веки. Дуновением разрыва в яму бросило колья, опутанные колючей проволокой. В промежутках между разрывами бомб на аэродроме что-то глухо лопалось и трещало. Черный туман вонял бензиновым чадом.

Потом наступила тишина, замолкли зенитки.

"Кончено, - с тоской подумала она. - Теперь я снова одна".

Она пыталась подняться, но ее ноги...

Она их совсем не чувствовала. Что случилось? Потом она вспомнила. Это бывает. Ноги отнимаются. Она контужена. Вот и все. Она легла щекой на мокрую глину. Хоть бы одна бомба упала сюда! Как все было бы просто... И она не узнала бы самого страшного.

- Нет, - решительно сказала себе она, - с другими было хуже, и все-таки уходили. Ничего плохого не должно случиться со мной. Я не хочу этого.

Где-то ворчал автомобильный мотор, и белые холодные лучи несколько раз скользнули по черному кустарнику, потом прозвучал взрыв, более слабый, чем разрыв бомбы, и совсем близко - выстрелы.

"Ищут. А лежать так хорошо. Неужели и этого больше не будет?"

Она хотела повернуться на спину, но боль в ноге горячим потоком ударила в сердце. Она вскрикнула, попыталась встать и упала.

Холодные твердые пальцы дергали застежку ее ворота.

Она открыла глаза.

- Это вы? Вы за мной пришли? - сказала Михайлова и заплакала.

Капитан вытер ладонью ее лицо, и она снова закрыла глаза. Идти она не могла. Капитан ухватил ее рукой за пояс комбинезона и вытащил наверх. Другая рука у капитана болталась, как тряпичная.

Она слышала, как сипели полозья саней по грязи.

Потом она увидела капитана. Он сидел на пне и, держа один конец ремня в зубах, перетягивал свою голую руку, и из-под ремня сочилась кровь. Подняв на Михайлову глаза, капитан спросил:

- Ну как?

- Никак, - прошептала она.

- Все равно, - сквозь зубы сказал капитан, - я больше никуда не гожусь. Попробуйте добраться, тут немного осталось.

- А вы?

- А я здесь немного отдохну.

Капитан хотел подняться, но как-то застенчиво улыбнулся и свалился с пня на землю. Он был очень тяжел, и она долго мучилась, пока втащила его бессильное тело на сани. Он лежал неудобно, лицом вниз. Перевернуть его на спину она уже не могла.

Она долго дергала постромки, чтобы сдвинуть сани с места. Каждый шаг причинял нестерпимую боль. Но она упорно дергала за постромки, и, пятясь, тащила сани по раскисшей, мокрой земле.

Она ничего не понимала. Как это может еще продолжаться? Почему она стоит, а не лежит на земле, обессиленная? Прислонившись спиной к дереву, она стояла с полузакрытыми глазами и боялась упасть, потому что тогда ей уже не подняться.

Она видела, как капитан сполз на землю, положил грудь и голову на сани. Держась за перекладину здоровой рукой, сказал шепотом:

- Так вам будет легче.

Он полз на коленях, полуповиснув на санях. Иногда он срывался, ударяясь лицом о землю. Тогда она подсовывала ему под грудь сани, и у нее не было сил отвернуться, чтобы не глядеть на его почерневшее, разбитое лицо.

Потом она упала и снова слышала сипение грязи под полозьями. Потом услышала треск льда. Она задыхалась, захлебывалась, вода смыкалась над ней. И ей казалось, что все это во сне.

Открыла она глаза потому, что почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Капитан сидел на нарах, худой, желтый, с грязной бородой, с рукою, подвешенной к груди и зажатой между двумя обломками доски, и смотрел на Нее.

- Проснулись? - спросил он незнакомым голосом.

- Я не спала.

- Все равно, - сказал он, - это тоже вроде сна.

Она подняла руку и увидела, что рука голая.

- Это я сама разделась? - спросила она жалобно.

- Это я вас раздел, - сердито сказал капитан. И, перебирая пальцы на раненой руке, объяснил: - Мы же с вами вроде как в реке выкупались, а потом я думал, что вы ранены.

- Все равно, - сказала она тихо и посмотрела капитану в глаза.

- Конечно, - согласился он.

Она улыбнулась и сказала:

- Я знала, что вы вернетесь за мной.

- Это почему же? - усмехнулся капитан.

- Так, знала.

- Ничего, вы не могли знать, - сказал капитан. - Вы были ориентиром во время бомбежки, и вас могли убить. На такой аварийный случай я разыскал стог сена, чтобы продолжать сигналить огнем. А во-вторых, вас запеленговал броневичок с радиоустановкой. Он там всю местность прочесал, пока я ему гранату не подсунул. А в-третьих...

- Что в-третьих? - звонко спросила Михайлова.

- А в-третьих, - серьезно сказал капитан, - вы очень хорошая девушка. И тут же резко добавил: - И вообще, где это вы слышали, чтобы кто-нибудь поступал иначе?

Михайлова села и, придерживая на груди ворох одежды, глядя сияющими глазами в глаза капитану, громко и раздельно сказала:

- А знаете, я вас, кажется, очень люблю.

Капитан отвернулся. У него побледнели уши.

- Ну, это вы бросьте.

- Я вас не так, я вас просто так люблю, - гордо сказала Михайлова.

Капитан поднял глаза и, глядя исподлобья, застенчиво сказал:

- А вот у меня часто не хватает смелости говорить о том, о чем я думаю, и это очень плохо.

Поднявшись, он опять сурово спросил:

- Верхом ездили?

- Нет, - сказала Михайлова.

- Поедете, - сказал капитан.

- Гаврюша, партизан, - отрекомендовался заросший волосами низкорослый человек с веселыми прищуренными глазами, держа под уздцы двух костлявых и куцых немецких гюнтеров. Поймав взгляд Михайловой на своем лице, он объяснил: - Я, извините, сейчас на дворняжку похож. Прогоним оккупантов из района - побреюсь. У нас парикмахерская важная была. Зеркало - во! В полную фигуру человека.

Суетливо подсаживая Михайлову в седло, он смущенно бормотал:

- Вы не сомневайтесь насчет хвоста. Конь натуральный. Это порода такая. А я уж пешочком. Гордый человек, стесняюсь на бесхвостом коне ездить. Народ у нас смешливый. Война кончится, а они все дразнить будут.

Розовое и тихое утро. Нежно пахнет теплым телом деревьев, согретой землей. Михайлова, наклонясь с седла к капитану, произнесла взволнованно:

- Мне сейчас так хорошо. - И, посмотрев в глаза капитану, потупилась и с улыбкой прошептала: - Я сейчас такая счастливая.

- Ну еще бы, - сказал капитан, - вы еще будете счастливой.

Партизан, держась за стремя, шагал рядом с конем капитана; подняв голову, он вдруг заявил:

- Я раньше куру не мог зарезать. В хоре тенором пел. Пчеловод профессия задумчивая. А сколько я этих фашистов порезал. - Он всплеснул руками. - Теперь я злой, обиженный.

Солнце поднялось выше. В бурой залежи уже просвечивали радостные, нежные зеленя. Немецкие лошади прижимали уши и испуганно вздрагивали, шарахаясь от гигантских деревьев, роняющих на землю ветвистые тени.

Когда капитан вернулся из госпиталя в свою часть, товарищи не узнали его. Такой он был веселый, возбужденный, разговорчивый. Громко смеялся, шутил, для каждого у него нашлось приветливое слово. И все время искал кого-то глазами. Товарищи, заметив это, догадались и сказали будто невзначай:

- А Михайлова снова на задании.

На лице капитана на секунду появилась горькая морщинка и тут же исчезла. Он громко сказал, не глядя ни на кого:

- Боевая девушка, ничего не скажешь. - И, одернув гимнастерку, пошел в кабинет начальника доложить о своем возвращении.

1942